

Ф. А. КОНИ

25 ноября 1841. Ярославль

Любезнейший и добрейший Федор Алексеевич!

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно меня порадовало хоть в том отношении, что я увидел, с каким добрым и благородным человеком имею дело. Действительно, если б другому на Вашем месте было наклеветано на меня столько, то едва ли бы он сильно не поколебался во мнении обо мне, несмотря на правоту мою, которую я сознаю в душе моей. Впрочем, я не знаю еще, было ли Ваше письмо следствием тщательного рассмотрения дела и выгодных для меня результатов, или, может быть, оно есть только следствие законов приличия и снисходительности...

Касательно других пунктов письма... что сказать об них? И тут я должен начать с благодарности — за объяснение всего напрямик. Сколько мог я понять — в постоянные сотрудники я Вам не гожусь, а могу писать, когда вздумается, т. е., другими словами, отношения мои с Вашей газетой могут быть только такие, как и со всеми другими журналами; написав что-нибудь, я могу посылать в который мне угодно журнал, пожалуй и в «Литературную» г(азету)». Вот какое Вы даете мне право. В исчислении достоинств Вашего будущего сотрудника Вы намекаете мне, что во мне недостает аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду и мало ли еще чего, даже и таланта, как, кажется, намекают некоторые слова письма. Согласен со всем. Но спрашиваю, найдете ли Вы человека, который бы имел все такие качества... Не знаю. О себе скажу, что я могу быть лучше, гораздо, смею сказать, того, каким был в нынешнем году, но таким, какого Вы нарисовали, быть во всех отношениях не ручаюсь. По тому, как я доселе работал у Вас, обо мне не судите... Это дело другое. Вспомните, что я ни к чему не обязывался, а поступал по произволу. Притом, не имея ничего верного, я метался из стороны в сторону, притом еще... Вы на меня смотрели как на работника, и я служил Вам как работник... Скажу, что если б я дал кому слово быть аккуратным, деятельным, постоянно верным его пользам, то собственная выгода и уважение к самому себе были бы достаточными побуждениями к исполнению обещания по мере сил и возможности... В рассуждении средств своих скажу, что если мне бог дал хоть искру таланта, то возможные плоды его были бы посвящены на пользу такого человека...

Хотел я Вам послать несколько статей, но все они не дописаны, не перечитаны, а заняться ими теперь некогда, потому что теперь последнее время порош, и я с утра до вечера на поле, — травлю и бью зайцев... Это моя страсть, в этом занятии я провел все время пребывания здесь; в городе был не больше трех дней. Есть у меня готовая повесть «Антон»,¹ но она слишком велика — листов пять печатных... разве в будущий год годится. Написал драму в 4-х актах, да, кажется, неудачно... Водевиль в 3-х актах давно начал, да все еще не соберусь кончить...² Потеряв надежду на постоянную работу, я тороплюсь наготовить разных произведений, которые можно бы продать поштучно для выручки денег на содержание своей особы. На днях здесь откроют театр, вновь выстроенный. Идет «Синичкин». Пришлю статью, также и о концерте, что был здесь вчера...³ Собрал также несколько уморительных книжонок, напечатанных в Ярославле, — пишу о них статью под заглавием «Ярославская литература»;⁴ все пришлю скоро, если не привезу сам... Собираюсь в начале декабря выехать непременно.⁵ На Глинку,⁶ как на порядочного человека, положился я и оставил на его попечение мебель и разные вещи, по крайности на 150 р(ублей), а он, говорят, все заложил...⁷ Приеду в Петербург — ни кола, ни двора, ни пристанища... Если Вы все еще думаете переменить квартиру, то не случится ли при ней пары лишних комнат для меня⁸ — буду благодарен. П. И. Григорьева успокойте тем, что я по приезде сейчас же расплачусь с портным... Да там есть два водевиля мои, которые оба, кажется, имели успех, неужели за них Песоцкий не даст и 100 руб(лей).⁹ Скажите об этом Григорьеву. Я послал Краевскому «Опыт(ную) женщ(ину)»,¹⁰ а денег за нее просить совещусь, потому что предварительно об этом не говорил... Не знаю, как он об этом думает. «Литературную газету» я здесь наконец достал и некоторые статьи читал с большим удовольствием. Хорошо, ей-богу хорошо отделан Булгарин за пиесу,¹¹ и Нес(тор) В(асильевич)¹² не хуже... Вот, я думаю, озверились они, сердечные. Вчерась только я прочел в «Пчеле» брань своему «Актеру».¹³ Мерзавец Межевич опять кругом наврал и может быть уличен. С стихами на поклон не только к нему, но и к другим

журн(алистам) я не ходил; ходил я только с книгой своей к одному редактору «Пол(ицейской) газеты», г. Межевичу, для того чтоб он опубликовал о моей книге в газете (за что и заплатил 2 р(убля) 40 к(опеек)), а не для прошения советов и защиты, в которых я не нуждаюсь. Франц(узского) вод(евилья) я в глаза не видал, да и наз(ван) он оригинальным) не мной, а Самойловым, на произвол которого оставил я пиесу, уехав из Петерб(урга), и мало ли можно найти еще опровержений... Может быть, пришлю статеьку.¹⁴

Прощайте — до свидания скорого, добрый Федор Алексеевич. Желаю Вам здоровья, успеха в делах, душевного спокойствия и такого сотрудника, идеал которого изобразили Вы в Вашем письме. Или, может быть, Вы уже нашли его в Сорокине... Не знаю, только скажу откровенно, что он мне не нравился сильно еще и тогда, когда не был Вашим сотрудником.

С глубоким к Вам почтением и преданностью остаюсь истинно любящий Вас и уважающий

Н. Некрасов.

23 ноября 1841 г. Ярославль

Письма мои всегда безграмотны и неудобопонятны... Извините... Не могу принуждать себя в том, что пишется не для печати...

Примечания

Подлинник: ИРЛИ, № 2487, л. 5—6.

Впервые: Евгеньев, с. 110—111.

Ответ на неизвестное письмо Кони.

¹ Возможно, это первоначальное название «Повести о бедном Климе» (см.: наст, изд., т. VIII, с. 700).

² О судьбе этих произведений сведений нет.

³ В 1839 г. антрепренер и актер Ярославского театра М. Я. Алексеев, получив наследство умершего отца своего, петербургского купца, купил ветхие здания ярославского и рыбинского (летнего) театров, принадлежавших ярославскому архитектору П. Я. Панькову. В течение 1840 г. и первой половины 1841 г. оба театра были построены заново. Краткая информация об открытии нового ярославского театра была помещена в первой книжке «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров» 1842 г. под заголовком «Ярославский театр»:

«Нам сообщают из Ярославля известия о вновь открытом там 27-го ноября театре, построенном санктпетербургским купцом Михаилом Яковлевичем Алексеевым, — без всяких корыстных видов, из чистой любви к искусству. Постройка театра начата в 1841 году, и весь он поспел в шесть месяцев. Зала вмещает в себе 74 кресла, до 80-ти мест за креслами, два яруса лож, устроенных без колонн, и над ними галерею и парадиз. Полный сбор простирается до 1000 рублей асе. Для открытия театра г-н Алексеев со всею труппою своею, состоящею человек из двадцати, на сцене пропел народный гимн, и затем начался спектакль. Давали водевиль „Лев Гурыч Синичкин“. На следующий день представлена драма „Иголкин“ и водевили „Дом на петербургской стороне“ и „Представление французского водевиля в русской провинции“. 30-го числа давали драму „Стенька Разин“. В группе г-на Алексеева хвалят комика Громова, артиста Орлова, трагика Полякова и актрису Соловьеву. На Ярославском театре есть и танцовщица с Московского театра г-жа Кузнецова, танцевавшая в одном спектакле качучу. Но всего достойнее удивления, что труппа г-на Алексеева ставит оперы: к декабрю она приготавливала „Цампу“ и, мало того, намерена приступить к постановке „Роберта“» (РиП, 1842, № 1, отд. V, с. 66).

Статья о театре, обещанная Некрасовым в комментируемом письме, была написана и включена Кони в № 7 «Пантеона» 1841 г. Однако в последний момент по неизвестным нам причинам редактор исключил ее из номера. В оглавлении к «Текущему репертуару» этой книжки, разрешенной цензурой 25 марта 1842 г., есть название «Ярославский театр — Н. П(ерепельско)го». К нему сделано примечание: «Упомянутая в оглавлении седьмого номера „Текущего репертуара“ статья „Ярославский театр“ не могла быть напечатана по независящим от редакции обстоятельствам». Эта статья остается до сих пор неразысканной. Однако есть основания предполагать, что приведенная выше заметка из «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров*» принадлежит Некрасову и является кратким вариантом утраченной статьи о Ярославском театре. (Подробнее см.: НБЛГ, с. 62—79).

⁴ В число этих книг входили, по всей вероятности, следующие издания: Майков Михаил. Басни. Ярославль, 1836; Праволам-ский П. Стихотворения. Ярославль, 1838; Саблин Евгений. Полевой цветок. Стихотворение. Ярославль, 1840; Саблин Е. Кавказская сцена. Ярославль, 1841. Первый из этих авторов баснописец М. А. Майков (1770—1848) некоторое время (1824—1828 гг.) был директором Демидовского лицея в Ярославле; Петр Праволам-ский — один из ярославских приятелей Некрасова, приезжавший к нему в Петербург в 1840 г., — прототип «Без вести пропавшего пииты» (1840); Евгений Иванович Саблин — поэт-графоман, упоминаемый Некрасовым в письме к сестре Елизавете (см. с. 31). Статья «Ярославская литература» остается до сих пор неизвестной (подробнее см.: НБЛГ, с. 80—100).

⁵ С начала 1842 г. Некрасов возобновил свое постоянное сотрудничество в Литературной газетом под редакцией Кони.

⁶ С. С. Глинка — сын писателя и журналиста С. Н. Глинки, приятель Некрасова.

⁷ Ср. п. 4. Вспоминая о жизни Некрасова в одной квартире с С. С. Глинкой, его брат Ф. С. Глинка утверждал, что квартира была обставлена собственной мебелью Глинки. «Вся мягкая мебель была обита материей красного цвета, — указывает мемуарист, — упоминаю об этом потому, что по отъезде моего брата из Петербурга Некрасов при встречах со мною постоянно требовал эту мебель, хотя по словам брата она вовсе ему не принадлежала» (ИВ, 1891, № 2, с. 586).

⁸ С конца 1840 г. до отъезда в Ярославль в июле 1841 г. Некрасов жил на углу Невского и Владимирского проспектов (ныне — Невский, 49), на третьем этаже; по возвращении в Петербург в конце 1841 г. он поселился в доме Головкина на Разъезжей, на третьем этаже (ныне — Разъезжая, 24; см.: Ломан О. В. Некрасов в Петербурге. Л., 1985, с. 243).

⁹ Речь идет, очевидно, о водевилях Некрасова «Актер» (первая постановка на сцене Александрийского театра — 13 октября 1841 г.) и «Вот что значит влюбиться в актрису!» (первая постановка на сцене Александрийского театра — 10 ноября 1841 г.). «Актер» опубликован в № 8 «Текущего репертуара русской сцены» — приложения к журналу Ф. А. Кони «Пантеон»; «Вот что значит влюбиться... м — в № 12 «Репертуара русского театра» 1841 г., издававшегося И. П. Песоцким.

¹⁰ Повесть Некрасова, напечатанная в № 10 «Отечественных записок» 1841 г. (см.: наст, изд., т. VII, с. 217).

¹¹ Имеется в виду, очевидно, отрицательная рецензия в № 108 Литературной газеты от 25 сентября 1841 г. на пьесу Ф. В. Булгарина «Шкуна Ньюкарлеби».

¹² Имеется в виду, очевидно, отрицательный отзыв Кони на драмы Н. В. Кукольника «Дуняша» и «Эдуард и Кунигунда» (ЛГ, 1841. 11 ноября, № 128).

¹³ В рецензии на постановку водевиля « Актер» на сцене Александрийского театра в бенефис В. В. Самойлова 1-го В. С. Межевич писал: „Актер, оригинальный водевиль, сочинение Н. А. Перепельского“... Странное, и грустное, и тяжкое чувство пробудилось в душе моей, когда из-под пера вылилась у меня эта строка: мне стало что-то неловко... Я хотел промолчать о

новом произведении г. Перепельского, но надобно же высказать — *une fois pour toutes*, то, что запало на душу. Прошу позволения у моих читателей ввести маленький эпизод. Г-н Перепельский есть псевдоним автора небольшой книжки стихотворений, изданных им под названием „Мечты и звуки”; он же написал два водевиля: „Шила в мешке не утаишь” и „Феоклист Онуфриевич Боб” — и несколько легоньких повестушек, как весьма выразительно нынче называют произведения такого рода. В одно прекрасное утро является ко мне на квартиру молодой человек с книгою в руках, которую он просит принять меня как знак своего ко мне уважения и замолвить за него словечко в газете. Я принял его со всею ласкою, как обыкновенно делается в таких случаях, поблагодарил за внимание и обещал высказать со всем чистосердечием и снисхождением мнение свое о его стихотворениях, когда удосужусь прочесть их. Молодой человек ушел. Раскрываю книгу, — на внутренней стороне обертки обыкновенная подпись: „Милостивому государю такому-то” и пр. Название книги „Мечты и звуки”.

Я прочел все стихотворения; особенных признаков дарования нет, видно, однако ж, что автор их — человек не совершенно бездарный. Что сказать о такой книге? — Я пишу, что стихи г-на Н. Н. гладки, звучны, но и только; в них нет ничего ни положительно дурного, ни положительно хорошего; что мы не ставим в вину г-ну Перепельскому стихотворений его, однако же лучше советовали бы ему учиться да учиться... Такие стихи, какие он пишет, очень легко не только писать, а импровизировать, например... и для шутки, поддельваясь под тон молодого стихотворца, я написал две-три пьески на одни с ним темы. Многие смеялись этой шутке, в которой, однако ж, не было никакой злобы, никакого желанья огорчить молодого писателя. Нельзя же сказать юноше прямо в глаза и притом печатно: учиись, братец, учиись, а не торопись печатать свои стишонки... (СП, 1841, 3 ноября, 246, с. 982).

Далее следует (см.: наст, изд., т. VI, с. 674) ложное обвинение в присвоении автором «Актера* сюжета французского драматурга А. Молье.

¹⁴ Этот замысел не был осуществлен.